

Джанни Родари Какие бывают ошибки

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155663

Джанни Родари «Римские фантазии»: Правда; Москва; 1987

Содержание

Между нами, взрослыми, говоря	5
Быть и иметь	7
Падающая башня	10
Италия с маленькой буквы	12
Самый большой молодец на свете	15
Поменялись головами	16
Печальный Энрико	17
Спелое небо	21
Черт	22
Реформа грамматики	24
Великий изобретатель	25
Кто командует?	27
Как лису хоронили	28
Неверное эхо	30
Два верблюда	31
Две республики	33
Жалоба глаз	35
Рыбы	36
Мальчик и стол	37
Число 33	38
Открытка	39
Музыкальная история	40
Уменьшаюсь!	42

Птицы	43
Цепь	44
Журналы	45
Кем я стану	46
Старые Пословицы	49
Когда осел полетит	51
Бухгалтер и бора	54
Встреча с волшебниками	59
Гвидоберто и этруски	64
Пигмалион	69
Трактат о Бефане – доброй волшебнице, которая приносит итальянским детям новогодние подарки	73
Страна без ошибок	83

Джанни Родари

Какие бывают ошибки

Между нами, взрослыми, говоря

Много лет приходилось мне исправлять орфографические ошибки. Сначала свои собственные – когда учился в школе, затем – чужие – когда стал учителем. И только потом я принялся придумывать свои фантазии и сказки. Некоторые из них даже включены – и это большая честь! – в учебники. Это значит, между прочим, что сама по себе мысль – поиграть с ошибками – не так уж и плоха. В самом деле, не лучшие ли, чтобы ребята учились не плача, а смеясь? Ведь если собрать все слезы, что пролиты на всех пяти континентах из-за ошибок, получится такой водопад, что впору строить гидростанцию. Только я считаю, энергия эта была бы слишком дорога.

Ошибки необходимы и полезны, как хлеб. А иногда даже красивы, как, например, Пизанская башня.

В этой книге много ошибок. Некоторые видны невооруженным глазом, другие скрыты, как в загадках. Не все они, однако, допущены детьми, и это вполне понятно. Между

нами, взрослыми, говоря, мир был бы непередаваемо прекрасен, если б ошибались в нем только дети! Вот почему эту книгу для ребят я посвящаю папам и мамам и, разумеется, школьным учителям – словом, всем, на ком лежит огромная ответственность исправлять – не ошибаясь! – самые маленькие и невинные ошибки, какие только случаются на нашей планете.

Джанни Родари

1964

БЫТЬ и ИМЕТЬ

Учитель Грамматикус ехал как-то в поезде и слушал разговор своих соседей по купе. Это были рабочие с юга Италии, которые ездили за границу. Они долго работали там, а теперь возвращались на время домой навестить своих близких.

– Я имел поездку в Италию пять лет назад, – сказал один из них.

– А я имел поездку в Бельгию, работал там на угольной шахте, и это было очень трудно.

Учитель Грамматикус слушал их некоторое время и молчал. Но если б вы присмотрелись к нему, то заметили бы, как он сердится и как похож на чайник с водой, которая вот-вот закипит. Наконец вода закипела, крышка подскочила, и учитель Грамматикус воскликнул, строго глядя на своих попутчиков:

– «Имел поездку! Имел поездку!...» Вот опять привычка южан употреблять глагол «иметь» вместо глагола «быть»! Разве вас не учили в школе, что надо говорить «я был в Италии», а не «я имел поездку в Италию»?

Рабочие притихли, исполненные уважения к этому почтенному седовласому синьору в черной шляпе.

– Глагол «иметь» нельзя употреблять в таком сочетании, – продолжал учитель Грамматикус, – это грубая ошибка! Это

неправильное выражение!

Рабочие вздохнули. Потом один из них прокашлялся, как бы набираясь храбрости, и сказал:

– Очень возможно, синьор, что вы и правы. Вы, должно быть, много учились. А я окончил только начальную школу, но и тогда мне больше приходилось пасти овец, чем сидеть над учебником. Очень возможно, что это неправильное выражение.

– Конечно, неправильное!

– Вот-вот! И это, наверное, очень важно, не спору. Но мне кажется, что это еще и очень грустное выражение, очень! Ведь нам приходится искать работу в чужой стране... Приходится оставлять надолго свои семьи, детей.

Учитель Грамматикус растерялся:

– Конечно... В общем... Словом... Однако, как бы там ни было, все-таки надо говорить «я был», а не «имел поездку». Так говорят только немцы. А мы должны употреблять другой глагол: я был, мы были, он был...

– Эх, – сказал рабочий, вежливо улыбаясь, – я был! Мы были!... Знаете, где бы мы больше всего хотели быть? У себя на родине! Хоть мы и имели поездку во Францию и ФРГ, больше всего мы хотели бы быть здесь, в Италии, никуда не уезжать отсюда, иметь тут работу, хороший дом и спокойно жить в нем.

И он посмотрел на учителя Грамматикуса ясными и добрыми глазами. Учителю Грамматикусу очень захотелось уда-

рить себя кулаками по голове. И он пробормотал про себя: «Глупец! Глупец ты, больше ничего! Ищешь ошибки... Неправильное выражение!... Ошибка-то, и куда более серьезная, совсем в другом!»

Падающая башня

Однажды учитель Грамматикус приехал в Пизу, поднялся на знаменитую падающую башню, подождал, пока перестанет кружиться голова, и закричал:

– Граждане! Пизанцы! Друзья мои!

Пизанцы посмотрели наверх и засмеялись:

– Ого, наша башня заговорила, выступает с речью!

Потом они увидели учителя, который между тем продолжал:

– Знаете ли вы, почему ваша башня падает? Я скажу вам, в чем дело. Не слушайте тех, кто говорит, будто оседает фундамент или еще что-нибудь в том же духе. Все дело в том, что в фундамент действительно заложена ошибка, только совсем иного рода. Архитекторы, что строили башню, не сильны были в орфографии. Поэтому они и построили башню, которая имела не равновесие, а РАВНАВЕСИЕ. Вы меня поняли? Даже палочка не может удержаться в РАВНАВЕСИИ, не то что башня. Вот, следовательно, и решение проблемы. Надо влить в фундамент хорошую порцию буквы «о», и башня сразу же приобретет равновесие, выпрямится.

– Не бывать этому никогда! – дружно возразили пизанцы. – Прямых башен на свете сколько угодно, куда ни глянь. А падающая есть только у нас, в Пизе. Так зачем же мы станем выпрямлять ее? Возьмите этого сумасшедшего! Отведи-

те его на вокзал и посадите в первый же поезд, который отправляется подальше.

Два стражника подхватили учителя Грамматикуса под руки, отвели на вокзал и посадили в первый же поезд, который направлялся в Гроссето, останавливался на всех полустанках и тратил полдня, чтобы одолеть сто километров. Так что у учителя было время поразмыслить о человеческой неблагодарности. Он чувствовал себя обиженным, как Дон Кихот после битвы с ветряными мельницами. Но не пал духом. В Гроссето он изучил расписание поездов и тайком вернулся в Пизу, решив назло пизанцам все-таки сделать башне инъекцию «о». Случайно в тот вечер светила луна. (Вообще-то не случайно, конечно, а по своему лунному расписанию.) При свете луны башня была так красива, так легко склонялась к земле, что учитель пришел в восторг и залюбовался ею. А затем подумал: «Ах, как же прекрасны бывают иногда ошибки!»

Италия с маленькой буквы

Однажды вечером учитель Грамматикус проверял тетради своих учеников. Служанка сидела рядом и усердно точила ему один за другим красные карандаши, потому что учитель расходовал их невероятное множество.

Вдруг учитель Грамматикус в ужасе вскочил из-за стола и схватился за голову.

– Ах, Боллатти! Боллатти! – вскричал он.

– Что еще натворил этот ученик Боллатти? – спросила служанка. Она уже давно знала всех учеников по именам, знала, кто какие любит делать ошибки, и помнила, что у Боллатти они всегда просто ужасные.

– Он написал «Италия» с маленькой буквы! Ах! На этот раз я отдам его под суд! Я все могу простить, но только не такое неуважение к своей стране!

– Ну уж! – вздохнула служанка.

– Что ты хотела сказать этим своим «Ну уж!»?»

– Синьор учитель, что может сказать скромная служанка вроде меня? Карандаши вам точить умею – и то слава богу.

– Но ты вздохнула!

– Ну а как же тут не вздохнуть? Ведь если разобраться по существу...

– Ну вот! – вскричал учитель. – Теперь я должен сидеть и любоваться этой строчной буквой, как будто от этого она

превратится в прописную! Дай мне вон тот карандаш, и я немедленно поставлю тут единицу, историческую единицу!

– Я только хотела сказать, – спокойно продолжала служанка, – что, может быть, Боллатти хотел лишь намекнуть...

– Послушаем, послушаем! Теперь мы уже на что-то намекаем! Скоро докатимся до анонимных писем...

Тут служанка, у которой была своя гордость, встала, стряхнула мусор с передника и сказала:

– Вам нет нужды знать мое мнение. До свидания.

– Нет, подожди! И говори. Я весь внимание. Говори же, выскажи прямо свою мысль!

– В общем, вы не обижайтесь. А разве и в самом деле нет Италии с маленькой буквы – всеми забытой? Разве мало таких сел, где нет врача, нет телефона... Разве нет таких дорог, по которым могут пройти только мулы... И разве нет в нашей стране таких бедных семей, где дети, куры и поросята спят все вместе прямо на земле?...

– Да о чем ты говоришь?!

– Дайте мне закончить. Я говорю, что действительно есть Италия с маленькой буквы – страна стариков, о которых никто не заботится, детей, которые хотели бы учиться, но не могут, сел, где остались только женщины, потому что мужчины все уехали в другие города и страны на заработки...

На этот раз учитель слушал ее не перебивая.

– Так что, может быть, ученик Боллатти думал обо всем этом и потому не смог написать название родины с большой

буквы...

– Но в этом-то и состоит его ошибка! – рассердился учитель. – Действительно есть, есть еще Италия с маленькой буквы, но я считаю, что ее давно пора писать с большой.

Служанка улыбнулась:

– Ну так и сделайте – исправьте на большую букву! Но не ставьте единицу. Ведь у ученика Боллатти были самые добрые намерения, и за это его обязательно надо похвалить.

– Неизвестно еще, были ли у него эти самые добрые намерения...

Служанка снова села рядом и улыбнулась. Она была уверена, что спасла хорошего мальчика от плохой отметки и – кто знает? – возможно, еще и от крепкого отцовского подзатыльника.

И она опять принялась спокойно точить красные карандаши.

Самый большой молодец на свете

Я знаю историю про одного человека, который был самым большим молодцом на свете, но не уверен, понравится ли она вам. Так рассказать или нет? Расскажу!

Звали его Примо. По-итальянски это значит – первый. Наверное, поэтому он еще в детстве решил:

– Буду первым не только по имени, но и на деле. Всегда и во всем буду первым!

А вышло наоборот – он всегда и везде был последним.

Последним, кто пугался, последним, кто убегал, последним, кто лгал, последним, кто шалил...

Его сверстники всегда были в чем-нибудь первыми. Один был первым вором в городе, другой – первым хулиганом в квартале, третий – первым дураком во всей округе... А он же, наоборот, был последним, кто говорил глупости, и когда наступал его черед говорить их, то просто молчал.

Это был самый большой молодец на свете, но он был последним, кто узнал об этом. Настолько последним, что так никогда и не узнал этого.

Поменялись головами

Марко и Мирко, эти ужасные близнецы, нисколько не уважали грамматику и терпеть не могли делать упражнения. Несчастные, они и не подозревали, к каким страшным последствиям это может привести...

Вчера, например, у них было задание поставить рядом с именами существительными подходящие глаголы.

И вот что они написали:

«Кошка воеет! Овцы лают! Волк пищит! Мышка мяукает! Лев блеет...»

И тут вдруг в окне возник лев и спрыгнул прямо в комнату. Он был очень обижен. Если хотите, можно даже сказать – рассержен.

– Ах вот как! Я, значит, влею? Бе-е-е, бе-е? Ну так я вам сейчас покажу!...

Левой лапой он схватил голову Марко, правой – голову Мирко и стал бить их друг о друга. При этом головы ужасных близнецов остались, конечно, целы, но... поменялись местами! Голова Марко оказалась на шее Мирко. Голова Мирко – на шее Марко.

И маме, когда та вернулась домой, пришлось немало потрудиться и истратить уйму клея, чтобы вернуть головы на место. А клей сейчас такой дорогой...

Печальный Энрико

Энрико, печальный Энрико, – самый несчастный человек на свете. Спросите у него самого:

– Энрико, печальный Энрико, правда ли, что ты самый несчастный человек на свете?

И он ответит:

– Да, синьор, это верно.

Ну вот, слышали?

А теперь я расскажу его историю.

Печальный Энрико был несчастен с самого рождения. Сравните его с Гарибальди, Наполеоном, Джузеппе Верди и вы поймете почему. В книгах всюду написано, что «Гарибальди родился...», «Наполеон родился...» и «Джузеппе Верди родился...» А он же...

– Энрико, печальный Энрико, когда и где ты родился?

– Синьор, я РАДИЛСЯ...

Стоп! Вот причина всех его бед. Он РАДИЛСЯ, понимаете? РАДИЛСЯ. Само появление его на свет уже было связано с ошибкой. А потом и вся его жизнь стала ошибкой. Так печальный Энрико стал ошибочным человеком.

– Энрико, печальный Энрико, не расскажешь ли ты нам о каком-нибудь из твоих приключений?

– Отчего же, расскажу. Помнится, я пошел в школу, когда на дворе был уже АКТЯБРЬ...

– Ты, наверное, хочешь сказать – октябрь? ¹

– Нет, синьор. Я хочу сказать так, как сказал. Тем более что после экзамена меня сразу отправили домой. «Тебе, – говорят, – надо бы прийти не в октябре, а в АКТЯБРЕ». И я пошел домой, но месяц АКТЯБРЬ с тех пор так и не наступил, его не было ни в том году, ни в следующие годы. Я все еще жду его.

В детстве печальный Энрико был не очень красивым ребенком. Даже некрасивее, чем сейчас. Шея у него была тонкая, уши без мочек и походка какая-то неуклюжая. Хороший врач, назначив правильное лечение, мог бы помочь ему исправить эти недостатки. Однако его привели к ошибочному ДОКТАРУ, который и мышку не мог вылечить от страха перед кошкой. Так Энрико и остался не очень красивым. Не такая уж это беда – не всем же быть красавцами! Гораздо важнее иметь доброе сердце. У печального Энрико СЕРЦЕ было больше нормального, и от этого он становился еще печальнее.

Пришел как-то печальный Энрико к портному, чтобы заказать костюм. Но ему всегда и во всем не везло, поэтому он попал к портному, который совсем не умел пришивать ПУГАВИЦЫ – они просто не держались на одежде. Пиджак всегда был расстегнут. Брюки сползали. Прямо беда!

– Энрико, печальный Энрико, научился ли ты какому-нибудь ремеслу?

---

¹ В Италии учебный год начинается 1 октября

– О, я столько их перепробовал, синьор! Желания у меня было много. А вот удачи – никакой. Сначала я был учеником и стал неплохим МИХАНИКОМ, но стать настоящим механиком – через «е» – мне так и не удалось. Моим вторым учителем был СТАЛЯР, но и у него была, видно, какая-то ошибка. Как же, по-вашему, он мог меня как следует обучить? Некоторое время я был ТАЧИЛЬЩИКОМ, но зарабатывал очень мало, а кроме того, мне никак не удавалось как следует ТАЧИТЬ ножи. В прошлом году я был САПОШНИКОМ. Мне казалось, я так хорошо работал. Но клиенты говорили, что мои ботинки и гроша ломаного не стоят. Теперь я живу милостыней, синьор. Но люди подают мне только ошибочные деньги. Я хочу сказать – фальшивые.

Ничего не удавалось в жизни Энрико, печальному Энрико. Однажды ему сказали:

– Научись хотя бы водить автомобиль. Это же все умеют делать, даже самый последний дурак.

Самый последний дурак – да, а печальный Энрико – нет.

Он научился водить АФТАМАБИЛЬ, АВТАМАБИЛЬ и даже АВТАМОБИЛЬ, но только не настоящий автомобиль. Он путал педаль газа с педалью тормоза, заезжал на тротуар, пугая прохожих. И его чуть не объявили опасным преступником.

– Энрико, печальный Энрико, сколько тебе лет?

– Двести девяносто пять, синьор.

– Сколько?!

– Ну да. Однажды пришла за мною смерть, и у нее уже была заготовлена могильная плита с надписью: «СКАНЧАЛСЯ во цвете лет». Я же случайно заметил ошибку и указал на нее. «Надо, – говорю, – писать скончался, а не СКАНЧАЛСЯ!» Смерти стало так стыдно, что она убежала и с тех пор больше не появлялась.

– Но в таком случае не так уж ты несчастлив, как говорят?

– Наверное...

Спелое небо

Ребята, мой вам совет – любите качественные прилагательные! Не ведите себя, как Марко и Мирко, эти ужасные близнецы, насмехающиеся над ними.

Вчера, например, они должны были подобрать к нескольким существительным качественные прилагательные.

Хихикая и разбрызгивая чернила, эти разбойники написали:

«Зерно – голубое! Снег – зеленый! Трава – белая! Волк – сладкий! Сахар – злой! Небо – спелое...»

И тут вдруг раздался ужасный грохот:

«Бух! Бах! Трах-тара-рах!»

Что случилось? Ничего особенного. Просто небо, услышав, что оно уже спелое, решило: пора упасть на землю, как это делают разные там груши или сливы.

И упало. И дом рухнул. И поднялось облако пыли...

Ох и много же пришлось потрудиться пожарным, чтобы вытащить из-под развалин этих ужасных близнецов, а затем еще и сшить, потому что их разорвало на кусочки, и поставить небо на место, повыше, чтобы в нем могли летать ласточки и самолеты.

Черт

Марко и Мирко без всякого уважения относятся к глаголам, даже к самым старым, кто уже совсем сед и ходит с палочкой.

Эти ужасные разбойники должны были вчера проспирать, как было задано на дом, некоторые глаголы и придумать с ними несколько предложений или стихи – какие-нибудь милые детские стихи.

Вот отрывок из их упражнения:

Я мороженое ем,
Ты уписываешь крем.
А кому платить по счету?
Кто глупее всех, конечно,
Тот и платит бесконечно –
Это ясно даже черту!

Расшалившись, они продолжали:

Я еду в Милан,
Ты едешь в Милан,
Он едет в Милан,
Мы едем в Милан...
Ну а этот грубиян
Едет пусть ко всем чертям!

При этих словах в ушах у одного из чертей зазвенело, и он не заставил себя долго ждать. В комнате у близнецов прогремел гром, сильно запахло серой, и вот уже черт преспокойно восседает в кресле.

– Так кто же должен ехать ко всем чертям? – строго спрашивает он, поигрывая хвостом.

Марко от страха чуть в обморок не упал. А Мирно, всегда готовый соврать, подбежал к окну и, указывая в сторону площади, закричал:

– Он там, ваша милость, он туда убежал!

К счастью, черт тут же выскочил в окно, помчался на площадь и решил во что бы то ни стало унести ко всем чертям аптекаря Панелли, который стоял в дверях своей аптеки, наслаждаясь вечерней прохладой. Синьора Панелли, однако, спасла мужа. Она показала черту рекомендацию, подписанную каким-то очень важным лицом.

Реформа грамматики

Учитель Грамматикус решил однажды провести реформу грамматики.

– Надо кончать, – сказал он, – со всеми этими трудностями. Зачем, например, нужно различать прилагательные по всяким там категориям? Пусть категорий будет всего две – *прилагательные симпатичные* и *прилагательные несимпатичные*. *Прилагательные симпатичные*: хороший, веселый, великодушный, искренний, мужественный. *Прилагательные несимпатичные*: жадный, лживый, бесчестный и так далее. Разве не лучше?

Служанка, слушавшая его, ответила:

– Намного лучше!

– Перейдем к глаголам, – продолжал учитель Грамматикус. – Я лично считаю, что их надо делить не на три спряжения, а всего на два. *Первое – это глаголы, которые надо спрягать, а второе – глаголы, которые спрягать не надо, как, например: лгать, убивать, воровать*. Прав я или нет?

– Золотые слова! – вздохнула служанка.

И если бы все думали так, как эта добрая женщина, реформу можно было бы провести в десять минут.

Великий изобретатель

Жил как-то один молодой человек, который мечтал стать великим изобретателем. Он учился день и ночь, учился много лет и наконец сказал себе:

– Я многому научился, стал УЧОННЫМ и теперь покажу всем, на что я способен.

Он сразу же принялся за эксперименты, и ему удалось изобрести дырки в сыре. Но потом он узнал, что они уже были изобретены.

И тогда он начал учиться заново. Учился с утра до вечера и с вечера до утра, учился многие месяцы и наконец сказал себе:

– Пора кончать. Теперь я уже УЧОНЬИЙ... Надо посмотреть, на что же я способен.

И все увидели – он изобрел дырки в зонтике. И все очень смеялись.

Но он не пал духом, а снова взялся за книги, продолжил свои эксперименты и наконец сказал себе:

– Ну вот, теперь я уверен, что не ошибаюсь, Теперь я уже просто УЧЕННЫЙ.

Но все-таки он опять ошибался. Он придумал окрашивать корабли акварельными красками. Это было очень дорого и меняло цвет моря.

– И все-таки я не отступлюсь! – решил отважный изобре-

татель, у которого голова уже покрылась сединой.

Он снова сел за книги и занимался так много, что действительно стал УЧЕНЫМ. И тогда он смог изобретать все, что ему хотелось. Он придумал, например, машину для поездов на Луну, поезд, которому достаточно было одного-единственного зернышка риса, чтобы промчаться тысячу километров, туфли, которые никогда не снашивались, и множество других таких же интересных вещей.

Одного только он не смог придумать – как научиться никогда не делать ошибок. И, наверное, никто никогда не придумает этого.

Кто командует?

Я спросил одну девочку:

– Кто командует у тебя в доме?

Она смотрит на меня и молчит.

– Ну так кто же командует – папа или мама?

Она опять смотрит на меня и молчит.

– Что же ты молчишь? Ну кто-то ведь, наверное, командует?

Она опять смотрит на меня растерянно и молчит.

– Не знаешь, что значит командовать?

Да нет, она знает.

– Так в чем же дело?

Она смотрит на меня и молчит. Сердиться на нее? Может, она, бедняжка, немая? А она вдруг как побежит от меня... Потом остановилась, показала мне язык и прокричала со смехом:

– Никто не командует, потому что мы все любим друг друга!

Как лису хоронили

Однажды куры увидели на тропинке лису: лежит себе, совсем как неживая, глаза прикрыты, и хвост не шелохнется.

– Она умерла, умерла! – закудахтали куры. – Надо похоронить ее!

И они тут же зазвонили в колокола, облачились в траур, и петух пошел рыть яму в поле.

Это были очень красивые похороны, и цыплята принесли цветы. Когда же подошли к яме, лиса вдруг выскочила из гроба и съела всех кур.

Новость быстро разнеслась по всем курятникам. О ней передавали даже по радио. Но лису это нисколько не огорчило. Она затаилась на некоторое время, а потом перебралась в другое село и снова разлеглась на тропинке, прикрыв глаза.

Пришли куры из другого села и тоже сразу закудахтали: – Она умерла, умерла! Надо похоронить ее!

Зазвонили в колокола, облачились в траур, и петух пошел рыть яму на кукурузном поле.

Это были очень красивые похороны, и цыплята пели так, что слышно было даже во Франции.

Когда же подошли к яме, лиса выскочила из гроба и съела весь похоронный кортеж.

Новость быстро разнеслась по всем курятникам и заставила пролить немало слез. О ней говорили даже по телеви-

дению, но лиса ни капельки не испугалась. Она знала, что у кур короткая память, и жила себе припеваючи, притворяясь, когда надо, мертвой. А тот, кто будет поступать, как эти куры, значит, совсем не понял эту историю.

Неверное эхо

Не вздумайте нахваливать мне чудеса эха, не поверю! Вчера меня повели знакомиться с одним из них. Я начал с простейших арифметических вопросов:

– Сколько будет дважды два?

– Два! – ответило эхо, даже не подумав.

Неплохое начало, ничего не скажешь!

– Сколько будет трижды три?

– Три! – радостно воскликнуло глупенькое эхо.

В арифметике оно было явно не сильно. Я решил дать ему возможность показать себя в лучшем виде и сказал:

– Выслушай мой вопрос и подумай как следует, прежде чем ответить. Что больше – Рим или озеро Комо?

– Комо, – ответило эхо.

– Ну, ладно, оставим в покое географию. Перейдем к истории. Кто основал Рим – Ромул или Цезарь?

– Цезарь! – крикнуло эхо.

Тут я совсем рассердился и решил задать последний вопрос:

– Кто из нас меньше знает, я или ты?

– Ты! – невозмутимо ответило эхо.

Нет, не вздумайте нахваливать мне чудеса эха...

Два верблюда

Как-то раз одногорбый верблюд сказал верблюду двугорбому:

– Я, приятель, тебе очень сочувствую. Позволь выразить тебе мое соболезнование.

– А в чем дело? – удивился тот. – Кажется, я не ношу траура.

– Вижу, вижу, – продолжал одногорбый верблюд, – что ты даже не понимаешь, как несчастлив. Ведь ты такой же верблюд, как я, только с недостатком – у тебя два горба вместо одного. И это, конечно, очень, очень грустно.

– Прости меня, – ответил двугорбый верблюд, – я не хотел тебе это говорить, не хотел обижать, но раз уж ты сам заговорил об этом, так знай же, что из нас двоих ты несчастнее. Потому что это ты с дефектом. Это у тебя вместо двух горбов, как должно быть у приличного верблюда, всего один!

Так они спорили довольно долго и даже чуть не подрались, как вдруг увидели проходящего мимо бедуина.

– Давай спросим у него, кто из нас прав, – предложил одногорбый верблюд.

Бедуин терпеливо выслушал их, покачал головой и ответил:

– Друзья мои, вы оба с недостатками. Но не в горбах дело. Их вам подарила природа. Двугорбый красив тем, что у него

два горба, а одногорбый красив, потому что у него только один горб. А главный недостаток у вас у обоих в голове, раз вы до сих пор не поняли этого!

Две республики

Были когда-то две республики: одна называлась Республика Семпрония, другая – Республика Тиция. Существовали они уже очень долго, многие века, и всегда были соседями.

Семпронские ребята учили в школе, что Семпрония граничит на западе с Тицией, и беда, если они этого не запомнят.

Тицийские ребята учили в школе, что Тиция граничит на востоке с Семпронией, и знали, что, если они не усвоят это, их не переведут в следующий класс.

За много веков Семпрония и Тиция, разумеется, частенько ссорились и по меньшей мере раз десять воевали друг с другом, пуская в ход сначала пики, потом ружья, затем пушки, самолеты, танки и т.д. И нельзя сказать, чтобы семпронийцы и тицийцы ненавидели друг друга. Напротив, в мирное время семпронийцы нередко приезжали в Тицию и находили, что это очень красивая страна, а тицийцы проводили в Семпронии каникулы и чувствовали себя там прекрасно.

Однако ребята, изучая в школе историю, слышали столько плохого про своих соседей.

Школьники Семпронии читали в своих учебниках, что война всегда начиналась по вине тицийцев. Школьники Тиции читали в своих учебниках, что семпронийцы много раз нападали на их страну.

Школьники Тиции учили: «Знаменитая битва при Туци-Наци окончилась для семпронийцев позорным бегством».

Школьники Семпронии заучивали: «В знаменитом сражении при Наци-Туци тицийцы потерпели ужасное поражение».

В семпронийских учебниках истории были подробно перечислены все злодеяния тицийцев.

В тицийских учебниках истории были так же подробно перечислены преступления семпронийцев.

Неплохо все перепуталось, не так ли? Но я тут ни при чем. Именно так все и было – так и жили эти две республики. И, наверное, еще какие-то другие республики, названия которых мне сейчас не припомнить.

Жалоба глаз

Довелось мне однажды подслушать, как жаловался глаз.

– Увы! – говорил он. – Несчастный я! Вот уже несколько столетий, как стало мне совсем тяжело жить. Я всегда видел, что Солнце вращается вокруг Земли. Но появился вдруг этот Коперник, появился этот Галилей и доказали, что я ошибался, потому что Земля вертится вокруг Солнца. Смотрел я в воду и видел, что она чистая и прозрачная. Но появился этот голландец Левенгук, изобрел микроскоп и заявил, что в капле воды больше живых существ, чем в зоопарке. Смотрю я ночью на небо, вон туда, наверх. Оно черное, какие тут могут быть сомнения. У меня ведь прекрасное зрение. Но похоже, я заблуждался и на этот счет. Подводят меня к телескопу, направленному туда же, высоко в небо, и я вдруг вижу там миллионы звезд. Так что теперь уже бесспорно доказано, что я все вижу неверно. Должно быть, мне лучше уйти на пенсию.

Молодец! Только кто же будет смотреть в микроскопы и телескопы?

Рыбы

– Будь осторожна! – сказала как-то большая рыба рыбке маленькой. – Вот это – крючок! Не трогай его! Не хватай!

– Почему? – спросила маленькая рыбка.

– По двум причинам, – ответила большая рыба. – Начнем с того, что, если ты схватишь его, тебя поймают, обваляют в муке и поджарят на сковородке. А затем съедят с гарниром из салата!

– Ой, ой! Спасибо тебе большое, что предупредила! Ты спасла мне жизнь! А вторая причина?

– А вторая причина в том, – объяснила большая рыба, – что я сама хочу тебя съесть!

Мальчик и стол

Один мальчик, прыгая, больно ударился коленом о стол и рассердился:

– Противный стол!

Отец обещал этому мальчику принести интересный журнал с картинками, но забыл. И мальчик заплакал. Отец рассердился и закричал на него:

– Противный мальчишка!

Стол остался ужасно доволен.

Число 33

Я знаю одного скромного торговца. В его магазине продаются не сахар и не кофе, не мыло и не чернослив. Он продает только число 33.

Это в высшей степени честный человек. Он продает только натуральный продукт – не подделку – и никогда не обвешивает. Он не из тех, которые говорят: «Вот ваше 33, сеньор!» – а на самом деле человек получает только 31 или даже 29.

Торговля у него небольшая. На 33 не такой уж большой спрос. В его магазин заглядывают разве только те, кому надо идти к зубному врачу. А некоторые к тому же покупают себе 33, бывшее в употреблении, в другом магазине – у Порта Портезе. Но он не жалуется. Вы можете послать к нему ребенка или даже котенка в полной уверенности, что он не обманет их.

Это честный торговец. И на таких зиждется общество.

Открытка

Была однажды открытка без адреса. На ней было написано только: «Приветы и поцелуи!» И подпись: «Нинучча». Никто не знал, кто такая эта Нинучча – синьорина или синьора, старая ворчунья или девочка в джинсах. Или, может быть, какая-нибудь птичка.

Многие бы хотели получить хотя бы один из этих «приветов» и «поцелуев», хотя бы самый маленький. Но можно ли довериться этой неизвестной Нинучче?

Музыкальная история

Наш городок чествовал вчера синьора Тромбетти Джованкарло, который за тридцать лет работы один, без всяких помощников, записал на магнитофонную ленту оперу «Аида» композитора Джузеппе Верди.

Он начал эту работу еще подростком. Он исполнил перед микрофоном сначала партию Аиды, затем партии Амнерис и Радамеса. Одну за другой он спел и записал и все остальные партии. И хор тоже. Поскольку хор жрецов состоит из тридцати певцов, ему пришлось исполнить его тридцать раз. Затем он научился играть на всех инструментах – от скрипки до барабана, от фагота до кларнета, от тромбона до английского рожка и так далее. Он записал все партии этих инструментов одну за другой, затем переписал их на одну дорожку, чтобы получилось впечатление, будто звучит оркестр.

Всю эту работу он проделал далеко от своего дома, в подвале, который снимал специально. Родным он говорил, что идет работать сверхурочно, а сам шел записывать «Аиду». Он записал и разные шумы – проход слонов, лошадей, аплодисменты после самых известных арий. Бурные аплодисменты в конце первого акта он тоже записал сам. Для этого он в течение минуты три тысячи раз хлопнул в ладоши. Он решил, что на спектакле присутствовало три тысячи человек, из которых четыреста восемнадцать должны были кри-

чать «Браво!», сто двадцать один – «Брависсимо!», тридцать шесть – «Бис!» и только двенадцать – «Безобразие! Вон со сцены!»

И вчера, как я уже сказал, четыре тысячи человек, собравшиеся в оперном театре, присутствовали при первом прослушивании выдающейся оперы. И в конце все единодушно согласились: «Потрясающе! Звучит, как настоящая пластинка!»

Уменьшаюсь!

Это ужасно – уменьшаться под насмешливыми взглядами всей семьи. Для них это просто шутка, им весело. Когда стол оказывается выше меня, все они становятся ласковыми, нежными, заботливыми. Внучата бегут за корзиной, как для котенка. Очевидно, хотят устроить в ней постель для меня. Затем, взяв за загривок, меня осторожно поднимают с полу, кладут на старую выцветшую подушку и зовут друзей и родственников полюбоваться на это зрелище – дедушка в корзине! И я становлюсь все меньше. Теперь я уже могу поместиться в ящике буфета, где лежат салфетки, чистые или грязные. А еще через несколько месяцев я уже перестану быть отцом семьи, дедом, уважаемым специалистом, а превращаюсь в безделушку, которую пускают погулять по столу, когда не включен телевизор. Берут лупу, чтобы рассмотреть мои крохотные ноготки. Вскоре мне уже будет достаточно спичечного коробка. А потом кто-нибудь обнаружит, что он пуст, и выбросит его...

Птицы

Я знаю одного синьора, который очень любит птиц. Всяких – и лесных, и болотных, и полевых: ворон, трясогузок, колибри; уток, водяных курочек, зеленушек, фазанов; европейских птиц и птиц африканских. У него дома целая библиотека о птицах – три тысячи томов, и многие даже в кожаном переплете.

Он с большим увлечением изучает жизнь птиц. Он открыл, например, что аисты, когда летят с севера на юг, пролетают над Испанией и Марокко или над Турцией, Сирией и Египтом, делая таким образом большой круг, лишь бы не лететь над Средиземным морем – они очень боятся его. Не всегда ведь самая короткая дорога – самая надежная.

Вот уже многие годы, даже десятилетия, этот мой любознательный знакомый изучает жизнь птиц. Неудивительно, что он точно знает, когда они прилетают. Тогда он берет свое автоматическое ружье и – бах, бах! – стреляет без промаха.

Цепь

Цепь стыдилась самой себя. «Увы, – думала она, – все презирают меня. И это понятно. Люди любят свободу и ненавидят оковы».

Проходил мимо человек. Он взял цепь, забрался на дерево, привязал оба ее конца к самому крепкому суку и сделал качели.

Теперь цепь служит для того, чтобы высоко взлетали на качелях дети этого человека. И она очень довольна.

Журналы

Как-то ехал я в поезде с одним синьором, который сел в Теронтоле. У него было с собой шесть журналов. И он принялся читать их. Сначала он прочел первую страницу первого журнала, затем первую страницу второго журнала, потом первую страницу третьего журнала и так далее – до шестого.

Затем он начал читать вторую страницу первого журнала, вторую страницу второго журнала, вторую страницу третьего журнала и так далее.

Потом принялся за третью страницу первого журнала, перешел к третьей странице второго... Он читал внимательно, углубленно и даже делал какие-то выписки.

Вдруг мне пришла в голову ужасная мысль: «Если во всех этих журналах одинаковое количество страниц, еще куда ни шло. Но что случится, если в одном журнале окажется шестнадцать страниц, в другом – двадцать четыре, а в третьем – только восемь? Что будет делать этот несчастный синьор в таком случае?»

К счастью, в Орте он вышел, и я не присутствовал при трагедии.

Кем я стану

Однажды учитель Грамматикус нашел где-то в старом шкафу пачку школьных сочинений. Они были написаны тридцать лет назад, когда он преподавал в другом городе.

«Тема: кем я стану, когда вырасту». Так был озаглавлен каждый листок, а рядом стояли имя и фамилия ученика. Всего двадцать четыре странички – Альберти Марио, Бонетти Сильвестро, Карузо Паскуале... Учитель Грамматикус поискал в своем альбоме фотографии этого класса и попытался припомнить ребят.

– Вот это, должно быть, Дзанетти Артуро. А может, наоборот, Риги Ринальдо? Нет, к сожалению, я уже совсем не помню этих ребят!

Он отложил фотографии и принялся читать пожелтевшие страницы сочинений, улыбаясь орфографическим ошибкам. Какое теперь может иметь значение пропущенный тридцать лет назад мягкий знак!

«Когда я вырасту, – писал Альберти Марио, – я буду летчиком. А пока я собираю фотографии самолетов, вырезаю их из газет. Рассматривая их, я МИЧТАЮ о своем будущем...»

Славный Марио написал мечтаю через «и» – МИЧТАЮ.

– Надеюсь, – вздохнул учитель, – эта ошибка не помешала ему осуществить свою мечту.

«Мой отец торгует сантехническим оборудованием и хо-

чет, чтобы я, когда вырасту, продолжал его дело. А я хочу стать музыкантом. У меня есть двоюродный брат, который играет на скрипке и...»

Учитель Грамматикус поднялся из-за стола, чтобы включить свет, потому что, пока он читал сочинения, стемнело. И тут ему пришло в голову, что...

– Да нет, какая глупость! – воскликнул он.

Но тут он понял, что решение уже принято и завтра утром...

Наутро учитель Грамматикус сел в поезд и поехал в тот город, где когда-то учил ребят. Приехав туда, он пошел в адресный стол, достал из кармана список своих бывших учеников и стал искать их адреса. Он хотел узнать, сбылись ли их мечты, стали ли они теми, кем хотели стать, когда были маленькими.

Я должен вам сказать правду, даже если она и нерадостна. Я должен вам сказать, что учитель очень расстроился и огорчился, когда закончил свои поиски.

Он узнал, например, что трое его бывших учеников погибли на войне, вдали от родины. Не сбылись их мечты. Оборвалась молодость.

Он узнал, что Альберти Марио стал не летчиком, а официантом. Профессия как профессия, хотя никто никогда не пишет в сочинениях: «Когда вырасту, стану официантом...» И все же официантов очень много.

Сын торговца сантехническим оборудованием тоже не

стал, как хотел, музыкантом, а стал торговать газовыми баллонами.

Одни мечты со временем меняют кожу, словно иные животные в разное время года. Другие перечеркивают жизнь – так сильный ветер порой преждевременно срывает с деревьев листья. И наконец учитель узнал, что Корсики Ренцо, мечтавший стать электриком, тоже стал школьным учителем, и он решил разыскать его.

– Как поживаешь, дорогой Ренцо? Помнишь, ты когда-то хотел стать электриком?

– Я? Не может быть!

– Да, да! Посмотри – вот твое сочинение.

– Странно! Действительно мое. Но я совершенно не помню об этом!

– Выходит, ты написал тогда неправду?

– Кто знает? Может, и так.

Учитель Грамматикус долго размышлял над этим. Больше того, он до сих пор еще размышляет.

Старые Пословицы

В одном городе, о нравах и обычаях которого я еще как-нибудь расскажу вам, есть неказистое, пожалуй, просто старомодное здание. Это Приют для Старых Пословиц. Тут отдыхают на старости лет Старые Пословицы, которые когда-то были молодыми и полными сил и которые теперь уже мало кого интересуют. Я, кажется, сказал – отдыхают? Нет, правильнее было бы сказать – болтают и без конца спорят!

– Ослом родился, ослом и умрешь! – заявляет, например, одна Старая Пословица.

– Вовсе нет! – возражают ей собеседницы. – А если учиться? Прилежно и старательно, изо всех сил! И вообще, если очень захотеть, можно всего добиться!

– Счастлив тот, кто умеет довольствоваться малым! – заявляет другая Старая Пословица.

– Неправда! – тут же вмешивается еще одна Старая Пословица. – Если бы люди довольствовались тем, что имеют, они бы до сих пор жили на деревьях, как обезьяны!

– Тот, кто все делает сам, работает за троих! – слышится еще чей-то возглас.

И тут же кто-то возражает:

– Нет, кто работает сам, работает только за одного. Зато в единстве – сила!

Старые Пословицы на минутку умолкают. Потом самая

Старая Пословица продолжает разговор:

– Кто хочет мира, готовит войну!

Тогда Старая Пословица помоложе дает ей валерьяновых капель и терпеливо объясняет, что тот, кто хочет мира, должен готовить мир, а не бомбы.

Еще одна Старая Пословица заявляет:

– В своем доме каждый сам себе король!

– Но в таком случае, – возражают ей сразу все Старые Пословицы, – почему же всем приходится платить налоги? И за свет? И за газ? Ничего себе король!

Как видите, Старые Пословицы, споря друг с другом, говорят иногда и умные вещи, особенно когда критикуют друг друга. И главная задача – возразить, непременно сказать совершенно противоположное тому, что только что было сказано.

– Самое сладкое – в конце! – говорит, например, одна из Пословиц.

Но другая тут же возражает:

– Нет, самое трудное – в конце!

И мне становится жаль их. Они не замечают, что мир меняется, что со старыми пословицами теперь далеко не уедешь, что жизнь могут изменить только молодые, смелые люди с хорошими, умелыми руками и умной, светлой головой. Такие, как вы!

Когда осел полетит

На берегу реки в жалком домишке жила одна бедная семья, такая бедная, что еды никогда не хватало на всех и кому-то одному непременно приходилось голодать.

Дети спрашивали дедушку:

– Почему мы не богатые? Когда мы разбогатеем?

Дедушка отвечал:

– Когда осел полетит!

Дети смеялись. Но все-таки немножко верили в это. И время от времени забегали в хлев, где осел жевал свою солому, гладили его и говорили:

– Мы все ждем, когда же ты наконец полетишь.

Утром, едва проснувшись, они тоже бежали в хлев:

– Ну как? Сегодня? Смотри, какая хорошая погода, какое чистое небо! Самое подходящее время, чтобы полететь!

Но осел не обращал на них внимания и продолжал жевать свою солому.

Осенью начались сильные дожди, и река вышла из берегов. Плотина не выдержала напора, вода хлынула на равнину, затопила всю округу.

Несчастливым людям пришлось забраться на крышу. Они втащили туда и осла, потому что это было их главное богатство. Дети расплакались, и дедушка стал рассказывать им разные истории, а потом, чтобы рассмешить их, сказал, об-

ращаясь к ослу:

– Глупый, видишь, какую беду ты навлек на нас! А умел бы ты летать, все было бы иначе!

Вскоре им помогли пожарные, которые подплыли к затопленному домику на моторной лодке. Они сняли людей с крыши и перевезли их в безопасное место. А осел ни за что не захотел спускаться в лодку. Дети опять расплакались и стали упрашивать его:

– Ну поехали с нами, поехали!

– Вот что, – решил пожарный, – пусть остается! Потом вернемся за ним. А сейчас нас еще много народу ждет. Такого ужасного наводнения никто и не припомнит.

Моторная лодка ушла, и осел остался на крыше.

И знаете, как его спасли? С помощью вертолета! Красивая металлическая стрекоза с мотором, жужжа, повисла над крышей домика. Из вертолета спустился по канату человек. Он, видимо, хорошо знал, как надо обращаться с осликами, потому что ловко подвязал его веревками под живот, вернулся в кабину, и вертолет поднялся.

И дети, стоявшие на холме, увидели, что их осел летит по воздуху. Они вскочили, запрыгали, закричали, засмеялись:

– Осел полетел! Осел полетел! Теперь мы разбогатеем!

На крики ребят сбегался народ. Люди смотрели на осла и спрашивали:

– Что случилось? Что происходит?

– Наш осел полетел! – радовались ребята. – Теперь мы

разбогатеет!

Лица людей осветились улыбкой, словно над мрачной, затопленной равниной взошло солнце. И кто-то сказал:

– У вас впереди еще такая большая жизнь, что бедными вас никак не назовешь!

Бухгалтер и бора

В Триесте в конторах разных пароходных компаний нередко встречаются невысокие, худощавые люди, которые всю свою жизнь заняты только тем, что выписывают бесчисленные колонки цифр и ведут учет корреспонденции с Нью-Йорком, Сиднеем, Ливерпулем, Одессой, Сингапуром. Люди эти свободно разговаривают на пяти или шести языках – на итальянском, немецком, английском, словацком, хорватском, венгерском – и переходят с одного языка на другой с легкостью птички, порхающей с ветки на ветку одного и того же дерева. Жены у этих людей, как правило, высокие, светловолосые, красивые, потому что в Триесте все женщины красивые. Дети у них тоже высокие и крепкие, занимаются спортом, греблей, изучают ядерную физику и т.д. Но сами они, эти люди, бог знает почему, невысокого роста, худощавы. Неизвестно, впрочем, все ли они такие. Может быть, это только так кажется, потому что я вспоминаю сейчас бухгалтера Франческо Джузеппе Франца – того самого знаменитого бухгалтера Франца, которого унесла бора. Бора – это сильный северный ветер, который часто дует в Триесте. Он сильнее и быстрее курьерского поезда, идущего на полной скорости. Так вот, Франческо Джузеппе, когда был мальчиком и ходил в школу, весил не больше кошки. И в те дни, когда дул ветер, его мать, прежде чем выпустить сынишку

из дома, давала ему тысячу наставлений и клала в портфель кирпич, чтобы ветер не унес его бог знает куда.

Однажды – это было летом 1915 года – этот самый легкий ученик Триеста спокойно шел в школу, неся портфель с учебниками и кирпичом, как вдруг австрийский жандарм, грозно указав на него пальцем, обвинил его в демонстрации протеста. Дело в том, что на Франческо Джузеппе было зеленое пальто, красный шарф и белый шерстяной берет ², так что он двигался по улице, словно маленький итальянский флаг, сбежавший из ящика комода, для того чтобы нарушить общественный порядок в Австрийской империи ³.

Франческо Джузеппе уже тогда носил очки, потому что был немного близорук, но грозный палец жандарма он мог различить и среди тысячи других пальцев.

От испуга Франческо Джузеппе выронил портфель. Если б воздушный шар сбросил сразу весь свой груз и даже кабину, он не смог бы взлететь вверх быстрее, чем это сделал Франческо Джузеппе. Оставшись без спасительного противовеса, припасенного мамой, он оторвался от земли, а бора подхватила его и понесла по воздуху, словно пушинку.

Минуту спустя маленькое итальянское знамя, зацепившись за фонарь, развевалось высоко над тротуаром.

– Опускайся! – кричала Австро-Венгерская империя.

– Не могу! – отвечал Франческо Джузеппе.

---

² Зеленый, красный, белый – три цвета итальянского флага

³ В 1915 году Триест входил в состав Австрийской империи

Он действительно не мог. Очень трудно карабкаться вверх, но еще труднее спускаться вниз, особенно когда мешает ветер.

У фонаря вскоре собралась небольшая толпа, и многие добрые триестинцы притворились, будто сердятся на возмутителя спокойствия.

– Эй, мальчишка, слушайся синьора жандарма!

– Да где там! Нынешняя молодежь никакого уважения не питает к властям.

Жандарм ушел за подмогой. Тогда из лавки вышел колбасник с лестницей, а рассыльный из порта забрался по ней и спустил Франческо Джузеппе вниз. Мальчик схватил свой портфель и пустился бежать со всех ног, а вслед ему неслись аплодисменты и смех.

Прошли годы, десятилетия. Франческо Джузеппе стал образцовым служащим. Он выписывал длинные колонки цифр, отправлял письма в Мехико, сопровождал свою красавицу жену на концерты, а детей – на спортплощадку. Но в те дни, когда дула бора, он всегда, в память о маме, клал в портфель все тот же старый кирпич.

Однажды утром – это было в 1957 году – дула сильная бора, и он с трудом шел против ветра. Вдруг его задела какая-то собака, и он уронил свой портфель. Тот упал ему прямо на ногу, а ведь в нем был кирпич. Но бухгалтер Франческо Джузеппе даже не успел почувствовать боли, потому что ветер тотчас же подхватил его и унес высоко в небо – он ока-

зался над крышами магазинов, над дымами портовых буксиров, над торговыми кораблями, стоявшими на якоре в порту, и все летел и летел, пока не зацепился наконец за дымовую трубу какого-то корабля, отходившего в Австралию.

Спуститься он не решался, а снизу, с палубы, его никто не видел. Его заметили, только когда корабль уже покидал Адриатическое море и входил в Ионическое.

– Капитан, у нас на борту безбилетный пассажир, «заяц»!

– Черт возьми! Придется везти его до Александрии, в Египет... Не станем же мы возвращаться из-за него с полпути.

Бухгалтер Франческо Джузеппе возмутился, что его называют «зайцем». Он рассказал про ветер, про кирпич и собаку, но когда заметил, что капитан готов взять свои слова назад только для того, чтоб назвать его чокнутым, замолчал.

Из Александрии он телеграфировал жене и на службу и попросил, чтобы ему помогли вернуться домой.

Разумеется, в Триесте ему тоже не поверили.

– Унесен бурей? Да бросьте вы сказки рассказывать! Уж я скорее поверю, что осел полетел по воздуху.

– Можно проверить на опыте, – предложил бухгалтер. – Могу показать, как это случилось.

А когда жена предложила ему вместо опыта сходить к хорошему врачу, он перестал верить, что говорит правду.

«Ладно, – решил он про себя, – тем хуже для них. Пусть это будет мой секрет».

И он хранит его до сих пор. Каждый раз, когда начинает

дуть бора, Франческо Джузеппе делает так: день или два живет спокойно, как ни в чем не бывало, чтобы никто ничего не заподозрил, а потом уходит за город и летает.

Он заполняет карманы камнями, привязывает веревку к поясу и к какому-нибудь дереву. Затем постепенно выбрасывает камни из карманов и поднимается в воздух до тех пор, пока не натягивается веревка. В таком положении он остается наверху столько времени, сколько ему хочется, если бора не прекращается. Что же он там, наверху, делает?

Он смотрит по сторонам, с интересом наблюдает, как удивляются ему птицы. Иногда читает книгу. Больше всего он любит стихи Умберто Сабы, великого триестинского поэта, скончавшегося несколько лет назад. Может быть, это вас очень удивит, но не должно бы. Почему, собственно, бухгалтер не может любить стихи? Почему обыкновенный человек, такой, как все, как многие другие, не может иметь свой собственный, сокровенный секрет?

Никогда не судите о людях по их внешнему виду, по их профессии, по их одежде. Каждый человек способен на самые необыкновенные дела, и многие их не совершают только потому, что не знают, что могут.

Или потому, что не умеют вовремя освободиться от своего кирпича.

Встреча с волшебниками

Меня зовут Оскар Бестелти, родом я из Болоньи и работаю в одной торговой фирме. Чтобы подыскивать покупателей и рекламировать товары, мне приходится беспрестанно ездить на своей машине по всей Италии, так что давайте спрашивайте о чем угодно. Хотите знать, сколько шлагбаумов на виз Аурелиа между Гроссетто и Фоллоникой? Сколько поворотов на виа Кассия между Витербо и Сиеной? Я знаю все обо всех дорогах нашего полуострова!

Бывает, что сажаю в машину тех, кто голосует на дороге – просит подвезти. Частенько кто-нибудь стоит у обочины и машет рукой – остановись, мол. Теперь так делают даже старушки, которые несут на рынок свежие яйца. С помощью такого автостопа они экономят деньги на поезд или автобус. Когда в машине есть место и можно не спешить, я охотно подсаживаю людей: и поболтать приятно, и время летит быстро, да и узнаешь немало интересного. В прошлом году – это было в июле – подъезжал я к Виареджо, как вдруг останавливают меня двое парней.

– Не в Турин ли едете?

– В Турин. Садитесь.

И они садятся со своими рюкзаками – двое славных парней, двое туринских рабочих, которые провели отпуск у моря и теперь возвращались домой. Веселые, компанейские ребята

та. Одного звали Берто, другого Джулио. Ну, это все ничего. Мы разговорились, конечно, о том о сем, и я не заметил, как кончился бензин. Вернее, заметил, да поздно, когда уже совсем ничего не осталось в баке. Мотор поворчал, почихал, покашлял, плюнул разок и замолчал. Машина остановилась.

– Ай, ай! – говорю. – Слыхали новость? До ближайшей бензоколонки всего каких-нибудь десять километров, и в каждом ровно по тысяче метров.

– Подумаешь! – говорит Берто. Или, может быть, Джулио? Ладно, оба смеются. – Туринцы мы или не туринцы? – говорят. – К тому же опытные механики. У машин от нас нет секретов.

– Тут дело не в технике и не в секретах, – возражаю я. – У меня ни капли бензина, даже в зажигалке.

– Резиновая трубка у вас найдется?

– Конечно. Только бензин она не заменит.

– Сейчас посмотрим. Да, да, вот такая нам и нужна!

Берто берет трубку, выходит из машины и что-то делает возле бензобака. Джулио, оставшийся в машине, улыбается.

– А что он там делает? – спрашиваю.

– Сейчас кончит. Бензин – это его специальность.

Берто идет к обочине дороги, срывает штук десять крупных маков, затем выбирает один из них, засовывает его в трубку, тотчас же раздается славное бульканье и чувствуется сильный запах бензина. Бензобак наполняется за несколько секунд. И мы едем дальше. У меня от удивления глаза на лоб

лезут, но я не решаюсь и слова сказать.

– Видали? – говорит Джулио. – Пустяки! Мы в автомобилях кое-что смыслим.

Я помалкиваю. И едва не врезаюсь в шлагбаум. Спыхватываюсь, жму на тормоза...

– Да вы что, – смеясь, кричит Джулио, – с ума сошли, что ли!

И тут же изо всех сил жмет ногой на акселератор.

– Спасайся, кто может! – ору я и зажмуриваюсь, чтобы не видеть, как произойдет катастрофа. Только ничего не случилось. Открываю глаза – машина, слегка задрав капот, не замедляя движения, плавно перелетает шлагбаум и... проносится над товарным составом, несущимся на большой скорости, опускается на другой стороне и, коснувшись шинами асфальта, снова мчится вперед как ни в чем не бывало.

Парни на все это ноль внимания и продолжают болтать о каком-то туринском кафе, где можно попробовать лучшие во всей Солнечной системе грибы.

– Но как же так... – бормочу я. – Что это было?... То есть я хочу сказать... Надо же!

Парни с недоумением и даже с тревогой смотрят на меня:

– Вам плохо? Что-нибудь случилось? Хотите конфетку? Жевательную резинку?

– Какая там резинка? Объясните лучше, что за чудеса вы творите!

Парни смотрят на меня с еще большей тревогой.

– Поосторожней в выражениях! – говорит Берто. А может быть, Джулио, или оба сразу. – Поосторожней! Мы честные рабочие люди, а вы что думаете? Мы можем собрать машину с завязанными руками и глазами, это верно. Так мы уже говорили об этом.

Я умолкаю. Уже проехали Геную, миновали Апеннины, приближаемся к Турину. День клонится к закату.

Некоторое время едем молча. Затем Джулио – видимо для того, чтобы восстановить мир, – предлагает:

– Послушаем музыку?

– Очень жаль, – говорю, – но у меня в машине нет радио.

– Ну, если дело только за этим...

Он каким-то особым образом нажимает рычажок включения «дворников». Как? Понятия не имею. Факт тот, что «дворники» неподвижны, а в машине звучит веселая музыка. Джулио и Берто крепко хлопают друг друга по плечу и клянутся, что, как только приедут в Турин, отправятся потанцевать в одно хорошее местечко на набережной По.

– Э, да сколько можно, уважаемый! Все-то вам не по нраву.

– Я не...

– Поймете как следует только одно – для хорошего туринского механика нет ничего невозможного. Ясно?

«Бах! Бух! Бах!» Лопается шина.

Тяжело вздыхая, лезу в багажник за домкратом, чтобы сменить колесо. Но не успеваю и оглянуться, как шина уже в

порядке. Она тверда, как камень. А Джулио кладет в карман своего пиджака карандаш. Готов поспорить, что он накачал шину этим карандашом!

Словом, я совсем перестал понимать, кого же все-таки я посадил к себе в машину – двух рабочих или двух волшебников. И подумать только, что таких людей, как они, в Турине десятки тысяч...

Гвидоберто и этруски

Много, очень много лет назад профессор Гвидоберто Доминициани отрастил себе щеголеватую черную бородку и отправился в Перуджу. Я не хочу сказать, что без бороды он не смог бы совершить визит в город, который, как уверяют путешеводители, «был некогда крупным центром этрусской цивилизации». Я хочу сказать, что и та, и другая идея – отрастить бородку и побывать в Перудже – родились одновременно, в одном и том же году. И с тех пор, точнее, с того дня, когда Гвидоберто прошел под этрусской аркой, которую еще называют Аркой Августа, его борода и город Перуджа уже никогда не разлучались.

Надо вам сказать, что Гвидоберто до безумия любил... этрусков. Среди всех событий, всех народов и всех загадок истории только этруски обладали способностью привести его мозг в крайнее напряжение. Кто они такие? Откуда пришли в Италию? И самое главное: на каком таком чертовском языке они говорили?

Надо вам сказать также, что язык этрусков, словно неприступная крепость, тысячелетиями выдерживал атаки ученых всего мира. Но до сих пор никто так и не расшифровал его, никто не понимает ни единого слова.

Тем самым этруски словно отомстили за себя, как бы говоря: «Вы уничтожили нас? Ладно. Древние римляне захва-

тили и покорили наши города? Прекрасно. Зато мы сделаем так, что никто никогда не сможет заниматься этрусками без головной боли и нервного истощения».

И вот Гвидоберто оказался в Этрусско-романском музее. Он медленно, неторопливо, тщательно осматривал один зал за другим, растягивая удовольствие, словно сладкоежка, откусывающий шоколад крохотными кусочками, чтобы продлить приятное ощущение. Удар молнии разразился, когда он увидел знаменитейший «чиппо» – могильный столбик без капители из местного камня травертина, на котором высечена знаменитейшая «этруская надпись» – несколько строк, над которыми ломали свои светлые головы сотни виднейших ученых, головоломка, от которой бросало в дрожь лучших дешифровщиков и любителей ребусов и кроссвордов.

Увидеть этот знаменитый могильный столбик и влюбиться в него было для Гвидоберто минутным делом. Почтительно прикоснуться к нему и решить, вернее, поклясться, что он прочтет высеченную на нем надпись, тоже было вполне естественно.

Так уж устроены этрускологи, то есть те, кто изучает культуру этрусков. Профессор Гвидоберто Доминициани, приехав в Перуджу всего на один день, остался там на всю жизнь. Все рабочие дни с 9 до 12 и с 15 до 17 часов (в соответствии с расписанием работы музея) он проводил перед своим любимым столбиком, созерцая его.

Однажды утром, когда он размышлял над словом «расен-

на», пытаясь понять, означает ли оно «народ», «люди» или, может быть, «увитые цветами балконы», кто-то обратился к нему на незнакомом языке. Молодой голландец, жаждавший узнать что-нибудь про знаменитый столбик, надеялся получить у него хоть какие-нибудь сведения. Гвидоберто напрасно пытался объяснить с ним по-немецки, по-английски или по-французски. Ясно было, что они изучали эти языки у весьма различных преподавателей, потому что понимали друг друга не лучше, чем крокодил и утюг.

Молодой человек, похоже, очень хотел узнать как можно больше об этрусках. А Гвидоберто со своей стороны очень хотел поделиться с ним своими знаниями. Как быть? Гвидоберто не оставалось ничего другого, как изучить голландский язык, что он и сделал в те короткие промежутки времени, которые могильный столбик иногда оставлял ему. Через несколько недель грамматика и словарь Нидерландов уже не составляли для Гвидоберто никакого секрета, и молодой голландец – студент знаменитого перуджинского университета для иностранцев – уже клялся, что посвятит свою жизнь этрускам, по крайней мере, одну половину, а другую сохранит для Голландии.

На следующий год профессор Гвидоберто вынужден был – все так же урывками – освоить шведский, финский, сербскохорватский, португальский и японский языки. К этим национальностям принадлежали иностранные студенты, увлеченные этрусской проблемой. И Гвидоберто волей-неволей

пришлось изучать их языки, раз уж он хотел быть уверенным, что они правильно ухватили суть вопроса, а именно, что этрусский язык – поразительнейшая загадка и что тот, кто надеется понять в нем хоть одно слово, имеет полное право на льготный пропуск в сумасшедший дом.

В течение следующих быстро промелькнувших пяти лет профессор Гвидоберто, не отрывая ни одной минуты от созерцания могильного столбика, изучил турецкий, русский, чешский и арабский языки, а также дюжину наречий и диалектов стран Среднего Востока и черной Африки. Потому что теперь в Перуджу приезжали студенты и оттуда, и в городе можно было услышать языки всех стран мира. Неудивительно, что однажды какой-то иранец сказал другому (это были туристы – не студенты):

– Как на строительстве Вавилонской башни!

– Ошибаетесь! – тут же отозвался профессор Гвидоберто, который проходил мимо и услышал эту реплику. Он сказал это, разумеется, на чистейшем персидском языке. – Перуджа, дорогие господа, полная противоположность Вавилонии. Ведь там произошло смешение языков, и люди перестали понимать друг друга – родного брата, соседа по дому, сборщика налогов. Здесь наоборот. Сюда приезжают со всех концов света и прекрасно понимают друг друга. Наш университет для иностранцев – это, если позволите, прообраз будущего мира, в котором все народы будут жить в дружбе.

Иранские туристы, услышав от итальянца такой длинной-

ший и к тому же без единой ошибки монолог на их родном языке, от волнения чуть в обморок не попадали. Они тут же завладели Гвидоберто и ни за что не захотели отпускать его. Они пошли за ним в Этрusco-романский музей, позволили объяснить себе, что такое «чиппо» – могильный столбик, и очень быстро и охотно согласились, что этрусский язык – самая замечательная загадка во всей Вселенной.

Подобных эпизодов я мог бы привести вам сотни. А сегодня профессор Гвидоберто безупречно пишет и говорит на двухстах четырнадцати языках и диалектах планеты, которые он изучил, как вы понимаете, только в свободное время. Его бородка поседела, а под шляпой прячется совсем жалкая прядь волос. Каждое утро он спешит в музей и отдается своему любимому занятию. Для него «чиппо» – сердце Перруджи, больше того – всей Умбрии и даже Вселенной.

Когда кто-нибудь изумляется его лингвистическим знаниям и начинает восхищаться его способностями, Гвидоберто резким жестом прерывает собеседника.

– Не говорите глупостей! – возражает он. – Я такой же невежда, как и вы. Ведь за тридцать лет я так и не смог освоить этрусский язык.

То, чего мы еще не знаем, всегда важнее того, что знаем.

Пигмалион

Давным-давно, во времена древних мифов, жил на Кипре молодой скульптор по имени Пигмалион. Он любил свое искусство больше всего на свете. Когда каменщики приносили ему новый блок мрамора, он внимательно осматривал его, обходил вокруг и спрашивал себя:

– Интересно, кто скрыт в этой мраморной глыбе? Человек или бог? Женщина или хищный зверь?

Однажды он представил себе, что в камне скрыта красивейшая девушка, какой еще никто никогда не видел на Кипре, да что там на Кипре – на всем средиземноморском побережье!

Он с таким волнением принялся за работу, что даже вслух заговорил сам с собой:

– Я знаю, знаю, ты спишь там многие тысячелетия! Но скоро я освобожу тебя из мраморного плена! Потерпи еще немного, и я выведу тебя оттуда!

День за днем работал он, не зная отдыха. И каждый удар его резца высвобождал из мрамора прекраснейшую девушку. И когда он касался резцом ее носа, губ, маленьких, скрытых под локонами ушей, он дрожал от страха, боясь причинить ей боль.

Он старательно разгладил складки ее туники. А пальцы ее рук все казались ему недостаточно утонченными. Он сделал

ей изящные сандалии.

А когда последний раз коснулся резцом ее глаз и закончил работу, то заговорил с девушкой так, будто она могла понять его.

– Ты навсегда останешься со мной! – воскликнул он. – Мы никогда не разлучимся! Ты прекрасна! Такой я и представлял тебя. Никогда не будет на свете женщины красивее тебя!

Желая доставить статуе удовольствие, Пигмалион подкрасил ей губы, нарисовал длинные ресницы, покрыл лаком ногти на руках и ногах, уложил волосы.

Когда же наступила ночь, он с тысячью предосторожностей опустил ее с подставки, уложил в свою постель и укрыл одеялом, натянув его до самого подбородка.

– Спи! – оказал он, укладываясь рядом с кроватью на полу. – А я посижу, чтобы никто не потревожил твой сон.

Каждый день он менял ей наряды: то брал для нее у матери красивый плащ, то вышитую тунику, то пояс, украшенный драгоценными камнями, то шелковое покрывало. Он без конца одевал и переставлял статую, как маленькие девочки своих кукол.

Он приносил ей игрушки, угощал самыми свежими фруктами, самыми изысканными сладостями. Он клал все это к ногам статуи, не замечая, что она ни к чему не притрагивается, ни на что не смотрит.

Долгими часами он ласково говорил с ней, рассказывал сказки, сообщал разные домашние и городские новости, ес-

ли они доходили до него, потому что сам он почти никуда не выходил, никого не хотел видеть и грубо прогонял немногих друзей, которые навещали его, думая, что он заболел.

Он даже совсем перестал работать.

Его родители, не решаясь побеспокоить сына, с тревогой упрасивали из-за двери:

– Сынок, приди в себя! Нельзя же любить кусок камня! Нельзя посвящать жизнь какой-то игрушке!

– Оставьте меня в покое! – отвечал он. – У меня есть все, что мне надо, я не хочу ничего другого!

И он продолжал разговаривать со статуей, представляя, что она отвечала бы ему, если б могла говорить, и радовался:

– Ах, как ты мила, как остроумна!

Совсем как девочки, когда играют со своими куклами. Но девочки вырастают и забывают кукол. А Пигмалион – юноша высокий, сильный, и к тому же красивый – вел себя как ребенок, который не хочет расти.

Со временем, однако, он стал нервным и раздражительным. Даже когда он убеждал себя, что статуя отвечает ему и говорит приятные вещи, здоровая часть его мозга отлично понимала, что статуя остается немой и холодной и говорит ему:

– Глупец! Не видишь разве, что эта девушка мертва!

Пигмалион злился и подавлял в себе этот голос разума, но тот, приводя в отчаяние, звучал все громче. Радость его угасала быстро, как соломенный факел, и сердце было несчаст-

но.

Если верить легенде, то однажды Пигмалион пришел в храм Венеры и обратился к богине любви с мольбой, а когда вернулся домой, увидел, что статуя превратилась в настоящую живую девушку, влюбленную в него так же сильно, как он в нее. Он назвал ее Галатеей и женился на ней.

На самом же деле все было не так.

Это верно, что он пошел в храм Венеры и обратился к богине любви с мольбой. А вот потом, возвращаясь домой, он встретил девушку, с которой прежде, когда был ребенком, вместе играл. Он не видел ее много лет, помнил маленькой девочкой, а теперь она выросла и стала просто красавицей.

Увидев его, девушка сказала только два слова:

– Привет, Пигмалион!

Но, говоря это, она посмотрела на него своими черными, смеющимися глазами. И, заглянув в эти живые, веселые глаза, Пигмалион позабыл мраморные глаза своей статуи. Он влюбился в эту настоящую, живую девушку и женился на ней, и создал много прекраснейших статуй, которые изображали не мечту его, а жену, его детей, друзей и саму жизнь, которая захватила его в свой стремительный круговорот.

Трактат о Бефане – доброй волшебнице, которая приносит итальянским детям новогодние подарки

У Бефаны есть, как известно, три волшебные вещи – метла, мешок и дырявые башмаки. Некоторые, может быть, думают иначе и, разумеется, могут поступать, как им угодно, но мне кажется, что прав все-таки я. А теперь я опишу вам одну за другой все эти вещи и постараюсь ни в чем не ошибиться.

Вещь первая. Метла

После Нового года Бефана, которая живет на площади Навона, использует метлу уже только для посещения других миров. Она летает на Луну, на Марс, на Антарес. Облетает туманности и галактики. Наконец возвращается в страну Бефан и сразу же обрушивается на свою сестру за то, что та не вымыла полы, не вытерла пыль с мебели и не сходила в парикмахерскую. Сестра Бефаны – тоже Бефана, но она не

любит путешествовать. Она все время сидит дома, жует шоколад и сосет анисовые карамельки. Она ленивее двадцати четырех коров, вместе взятых.

Сестры держат магазин, в котором продают метлы. Тут покупают метлы все Бефаны Италии: из Оменьи, из Реджо-Эмилии, из Ривисондоли – отовсюду. Бефан тысячи, и они расходуют горы метел, так что дела у сестер идут хорошо. Когда же спрос на метлы падает, Бефана говорит сестре:

– Спрос падает. Надо что-то предпринимать. И ты, наверное, что-нибудь придумаешь, – ведь столько шоколада съедаешь!

– Можно устроить распродажу по сниженным ценам. В прошлом году мы таким образом продали старые реставрированные метлы за новые.

– Придумай что-нибудь получше. Иначе я ограничу расходы на карамель!

Сестра Бефаны сосредоточенно думает.

– Можно, – говорит она, – предложить новую моду. Например, мини-метлу.

– Что это еще такое?

– Совсем коротенькая метла.

– Но это будет выглядеть неприлично.

– Подумаешь! Повозмущаются какие-нибудь старые ханжи, а потом, вот увидишь, молодые Бефаны будут с ума сходять из-за таких метелок.

Мода на мини-метлу производит фурор. Поначалу пожи-

лые Бефаны рвут и мечут от негодования, посылают петиции в газеты и организуют демонстрации протеста. Но затем и они начинают, плотно задвинув шторы, тайком примерять эту метлу. В один прекрасный день и они появляются на улице с мини-метлой. Самые скупые Бефаны просто отрезают ручку у своей старой метлы. Но это очень заметно, потому что нарушаются пропорции, да и скупость не делает им чести.

Спустя некоторое время спрос опять падает.

– Ну, – говорит Бефана своей сестре, – давай придумай еще что-нибудь, а то я не дам тебе больше денег на кино!

– Но у меня даже голова заболела, столько я думаю!

– Не будешь думать – не пойдешь в кино!

– Уф! Предложи моду на макси-метлу.

– Что это значит?

– Длинная-предлинная метла. Вдвое длинней, чем нужно.

– Гм... Не будет ли это излишеством?

– Разумеется, это будет излишеством. Именно потому и будет спрос.

И тот день, когда первая Бефана – одна совсем юная, стройная Бефаночка – появляется в обществе с макси-метлой, все Бефаны просто с ума сходят от зависти. Зарегистрировано двадцать семь обмороков, тридцать восемь нервных припадков и сорок девять тысяч всхлипываний. Еще до наступления вечера перед магазином макси-метел выстраивается такая длинная очередь, что конец ее оказывается в Бу-

сто Арсицио.

На следующий год сестра Бефаны в обмен на коробку чернослива в шоколаде изобретает миди-метлу. Не большую и не маленькую – среднюю. Бефаны становятся очень богатыми и открывают магазин пылесосов.

И тут начинаются несчастья, потому что Бефаны, летая не на метлах, а на пылесосах, засасывают облака, кометы, маленьких и больших птиц, парашютистов, бумажные змеи, метеориты, естественные и искусственные спутники, небольшие планеты, летучих мышей и даже преподавателей латинского языка. А одна Бефана по рассеянности даже засосала самолет со всеми пассажирами, и потом ей пришлось доставить всех домой через дымовую трубу.

Пылесос хорош, когда нужно навести чистоту. А для путешествий все же гораздо практичнее старая метла.

Вещь вторая. Мешок

Однажды Бефана не заметила, что продырявился мешок с подарками. Она летит себе как ни в чем не бывало, а подарки сыплются, куда им вздумается, без всякого смысла. Электрический паровозик оказывается на куполе святого Петра в Риме и начинает бегать вокруг него как сумасшедший. Какой-то служитель Ватикана смотрит в окно, видит эту кару-

сель на куполе, и от ужаса его прошибает холодный пот.

– Это дьявол! – кричит он. – Конец света!

А другой служитель заглядывает в железнодорожное расписание и качает головой:

– Это, должно быть, скорый из Витербо ошибся колеей...

Кукла падает рядом с волчьей норой. И волки делают неправильный вывод.

– А, – решают они, – это, наверное, как в тот раз с Ромулом и Ремом. Слава совсем близко – стоит только протянуть лапу. Мы выкормим это создание, оно вырастет и построит тут город. И тогда сделают множество бронзовых скульптур, изображающих нас, волков. И мэр будет дарить их приезжим знаменитостям, чтобы как-то выйти из положения.

Много лет они заботливо растили куклу. Но она не росла, а только теряла туфли, волосы, глаза. Волк и волчица состарились, так и не прославившись. Но понимали, что им все равно повезло – ведь столько теперь развелось всяких любителей поохотиться.

Норковая шубка, подарок синьора Мамбретти его подруге, падает в Сардинии, в двух шагах от пастуха, пасущего своих овец. Но пастух не пугается и не убегает с криком: «Привидение! Привидение!», а надевает шубку, и она приходится ему весьма кстати. Бефана видит это в зеркало заднего вида, возвращается, пикирует на оливковое дерево, но на полпути передумывает.

– Правильно! – говорит она. – Кому нужнее эта прекрас-

ная шуба? Пастуху или той противной девице, у которой уже есть две шубы, а машина к тому же с кондиционером?

А был случай, когда Бефаны в суматохе отъезда – прощания, советы, слезы – перепутали мешки. Бефана из Домодосолы взяла мешок Бефаны из Массаломбарды, Бефана из Сараява – мешок Бефаны из Милана... А когда подарки были уже розданы, вдруг обнаружилось, что все перепутано. Тут началось! «Ты виновата!» – «Ты сама виновата...» – «Я тебе говорила...» – «Ты, наверное, своей бабушке говорила...» И так далее, и так далее...

– Не будем плакать над пролитым молоком, – сказала наконец Бефана из Рима.

– А я и не плачу, – ответила черноглазая Бефаночка со светлыми волосами, – стану я из-за этого портить себе грим!

– Я хотела оказать, что остается только одно – вернуться, забрать подарки и отнести их тем, кому они предназначены.

– И не подумаю! – заявила хорошенькая Бефаночка. – У меня свидание с женихом, мы пойдем в кафе! Какое мне дело до всего этого!

И ушла, даже не обернувшись. Но другие Бефаны повздыхали, повздыхали и отправились в путь. К сожалению, поздно. Дети уже проснулись, чтобы посмотреть подарки, которые принесла Бефана.

– О боже, какой ужас!

Да нет же, ничего страшного! Все дети остались очень довольны, и не нашлось ни одного ребенка, кому не понрави-

лась бы игрушка, какая ему досталась. Ребята в Вене получили подарки неаполитанских ребят, но все равно были рады.

– Понимаю, – сказала римская Бефана, – дети во всем мире одинаковы и любят одни и те же игрушки. Вот в чем дело!

– Глупости, – возразила ее сестра, – ты, как всегда, смотришь на мир сквозь розовые очки! Ну как ты не понимаешь, что дети во всем мире уже просто привыкли к одним и тем же игрушкам, потому что их производят одни и те же фабрики. Детям кажется, что это они сами выбирают игрушки... И выбирают одно и то же – то, что фабриканты уже выбрали за них!

Не очень понятно, кто же из двух сестер прав.

Вещь третья. Дырявые башмаки

Все дети знают, что башмаки у Бефаны просят каши – так и в песенке поется. Некоторые ребята смеются, потому что из таких дырявых башмаков торчит большой палец. Другие огорчаются и не спят целую ночь:

– Бедная Бефана, у нее мерзнут ноги!

Ребят, которые жалеют Бефану, гораздо больше. Они пишут в газеты, на радио, ведущей детской телепередачи. Предлагают собрать деньги, чтобы купить в складчину Бефане новые туфли. И какие-то мошенники сразу начинают

ходить по домам сначала в Милане, а потом в Турине и во Флоренции (в Неаполе они почему-то не появляются) и собирать деньги на туфли для Бефаны. Они собирают двести двенадцать миллионов лир и убегают с ними в Швейцарию, Сингапур и Гонконг.

А Бефана так и остается в дырявых башмаках.

И тогда в новогоднюю ночь многие дети оставляют рядом с пустым чулком, куда Бефана обычно кладет свои подарки, большую коробку и записку: «Для Бефаны!» В коробке лежит пара новых туфель. Для пожилой синьоры, но элегантные. Почти все черные, но встречаются также темно-коричневые или бежевые. С высоким каблуком, со средним и вообще без каблука. С пряжками или со шнурками.

Бефана из Виджевано каким-то образом узнает об этом раньше других. И что же она делает? Ставит будильник на час раньше и облетает всю землю со сверхзвуковой скоростью. Нагружает три автопоезда новыми туфлями и возвращается в страну Бефан довольная-предовольная.

Тут история разделилась на две части, потому что специалисты по бефанологии так и не пришли к согласию относительно ее продолжения.

Одни специалисты – люди хорошие, добрые, другие – плохие и бездушные. Хорошие специалисты считали, что Бефана из Виджевано, глядя на все эти замечательные туфли всех размеров, думала о людях, которые ходят босиком, и сочувствовала им. Тогда она взяла свой груз и снова облетела весь

мир, чтобы подарить туфли всем бедным женщинам, у которых их не было. И у нее еще остались туфли для многих бедных мужчин, у которых тоже нет обуви. Неважно, что эти туфли женские, они наденут их, лишь бы не ходить босиком.

А бездушные, напротив, утверждали, что Бефана из Виджевано открыла магазин обуви в стране Бефан и стала загребать деньги, продавая туфли, подаренные детьми, своим подругам. И получила огромный доход, потому что эти туфли не стоили ей ни одной монетки. Как же тут не купить себе великолепный автомобиль и трамвай целиком из золота!

Я не специалист, я не хороший и не плохой, поэтому мое мнение ничего не значит.

Постскрипtum

Когда я показал одному знатоку это мое описание трех волшебных вещей Бефаны, он усмехнулся:

– Все правильно. Но вы забыли самую важную деталь!

– Какую?

– Вы забыли сказать, что Бефана приносит подарки только хорошим детям, а плохим – нет.

Я смотрел на него ровно тридцать секунд, а потом сказал:

– Выбирайте – оторвать вам ухо или откусить нос?

– Как вы сказали, извините?

– Я спрашиваю, что вы хотите – получить хороший удар зонтиком по голове или килограмм льда за шиворот?

– Да как вы смеете! Вы забываете, с кем говорите!

– А как вы смеете утверждать, что бывают плохие дети? Становитесь на колени и просите прощения!

– Что вы собираетесь делать этим молотком?

– Ударить по вашему мизинцу, если вы сейчас же не поклянетесь, что все дети хорошие. И особенно те, которые не получают подарков, потому что они бедные. Так вы клянетесь или нет?

– Клянусь! Клянусь!

– То-то! А теперь, видите, я ухожу и даже не плюю вам в лицо. Это потому, что я слишком хороший.

Страна без ошибок

Жил однажды человек,
Беспокойный человек,
Он объездил всю планету,
Все искал по белу свету
Страну Без Ошибок.
Но, увы, надежды зыбки,
Всюду он встречал ошибки:
И на севере, на юге,
В самой маленькой округе -
Везде были ошибки.
Значит, он искал напрасно?
Нет, мы с этим не согласны!
Надо цель другую ставить,
Выбрать путь совсем иной:
Перестать бродить по свету,
Беспокоить всю планету,
А в своей стране исправить
Все ошибки до одной!